

Из истории сопротивления
режиму личной власти (30-е годы)

Б. СТАРКОВ

«Гражданская война» в партии не утихла на протяжении всех 20-х годов. В историческом сознании ее смысл долгое время отождествлялся с разгромом оппортунистических течений и утихомирив в партии, торжеством ее генеральной линии и в конечном итоге с построением в основном социализмом.

В наши дни происходит переоценка событий этого периода (20-х годов), который теперь отождествляется со свертыванием ина и становлением единовластия Сталина в партии и государстве. Одни публицисты называют эти процессы «контрреволюционным переворотом», другие же усматривают в них некое подобие бюрократизма при опоре на командно-бюрократический административный аппарат. И те и другие часто называют даже точную дату становления культа личности Сталина в партии и государстве — 1929 год. По их мнению, все эти процессы шли достаточно быстро при поддержке или с молчаливого согласия всей партии. Однако предлагаемая ими схема сильно упрощает и обедняет по сути драматическую политическую историю советского общества в 20-е и 30-е годы. В партии и государстве были реальные силы, которые в меру своих возможностей противодействовали становлению режима личной власти Сталина, оказывали сопротивление сталинизму. Лишь на некоторых страницах этой нависшей трагической драмы истории и булст остановлено внимание читателя в ходе нашего дальнейшего изложения.

Волепо-коммунистические методы в работе административных органов не были изжиты и в период ина. Более того, в этот период они приобрели некий романтический ореол. В общественное сознание настойчиво внедрялась идея «особых», отличных от общечеловеческих, норм общепития и поведения. Но несмотря на это, народ хранил в глубине сознания гуманистическое понимание социализма и при возможности стремился дать ему ход. Это особенно ярко проявилось в столкновениях Сталина с представителями старой партийной гвардии, которая оставалась верна традициям российского освободительного движения.

Во второй половине 20-х годов страна вступает в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Очень остро звучат вопросы расширения фронта капитального строительства, создания новых отраслей в промышленности и сельском хозяйстве. Командно-административные методы в управлении промышленностью, сложившиеся в восстановительный период ина, автоматически переносятся в сельское хозяйство. К концу 20-х годов «чрезвычайные меры» были возведены уже в систему, а политические методы руководства повсеместно заменялись командно-административными. Эти процессы, протекавшие и базисе, были привнесены и в надстройку. Складывалась авторитарная командно-бюрократическая административная система. Именно на этой основе элементы вождизма начинают быстро прирастать к режиму личной власти Сталина.

«Сталинский режим партийной жизни», — писал 8 июля 1926 г. Г. И. Сырцов в ЦКК ВКП(б), — тем и опасен, что он ставит под угрозу идейную жизнь нашей партии, превращая всю идеологическую работу и идейную жизнь партии в бюрократическую работу на заказ...

Отсутствие коллективного руководства (правит партией Сталин, которого Ленин в своем завещании предлагал снять с должности Генерального секретаря) обостряет до крайности все наше внутрипартийные положения» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 46).

Из серии «Черны политическая история СССР». Начало см. № 1—4 «ВВШ» за 1990 г.

В 1929 г. путем хорошо продуманных ходов Сталину удалось устранить конкурентов в борьбе за власть. В январе 1929 г. был выслан в Турцию Троцкий, а затем в ходе работы апрельского (1929 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) произведена политическая дискредитация группы Бухарина. К этому времени выступление этой группы против чрезвычайных мер в экономике переросло в борьбу против становления режима личной власти Сталина. Бухарин апеллировал к членам ЦК ВКП(б), поднимая вопрос о нежелательности Сталина, его грубости и нарушении принципов коллегиальности в работе Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталину удалось добиться политической дискредитации своих оппонентов. Он дискредитировал на политических ошибках Бухарина в прошлом и настоящем, напоминая о его борьбе против Ленина по вопросу о Брестском мире, извратил суть переговоров Бухарина с Каменевым летом 1928 г. Но главным явилось то, что у Бухарина и его сторонников отсутствовала долгосрочная перспектива развития народного хозяйства, к тому же была реальной угроза раскола партии. Проработка правых уклонов началась одновременно по всем без исключения партийным организациям. В итоге она привела к отсечению от политического руководства большой группы авторитетных членов партии. Завершение эти процессы начал в решении ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б): Бухарин был выведен из состава Политбюро.

Однако в это время в строю еще оставались представители старой партийной гвардии, пользовавшиеся авторитетом в партии и государстве. Они занимали ведущее положение и в руководстве местных партийных и советских организаций. Так, еще в 1930 г. на XVI партийном съезде из 1329 руководящих партийных работников, представлявших 165 округов, 1178 (88,7 процента) вступили в партию до 1929 г. Они решительно поддерживали большинство ЦК в борьбе против троцкизма, против так называемого правого уклона. Но именно представители старой партийной гвардии и партийного руководства второго эшелона в 1930—1934 гг. оказали сопротивление режиму личной власти Сталина в партии и государстве. Без преодоления этого сопротивления торжество культа личности было попросту невозможно.

Одним из первых против режима выступил кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) С. И. Сырцов, занимавший в то время пост председателя Совнаркома РСФСР.

Сергей Иванович Сырцов родился в 1883 г. в Екатеринославской губернии. В 1912 г. он поступил учиться на экономическое отделение Петербургского политического института. Здесь началась его работа в нелегальных революционных студенческих организациях. В конце 1913 г. он вступил в ряды большевистской партии. В 1914 г. С. И. Сырцов вел революционную пропаганду среди рабочих, был членом Невского районного комитета партии и членом пропагандистской коллегии при Петербургском комитете РСДРП.

За участие в революционном движении он был арестован, приговорен к девяти месяцам тюрьмы, а затем сослан в село Манзурка Иркутской губернии, где находился до Феральской буржуазно-демократической революции. После возвращения из ссылки Сырцов на партийной работе в Петрограде. В апреле 1917 г. по заданию ЦК РСДРП(б) он переезжает в Ростов-на-Дону, где позднее возглавил Ростовский Совет и Военно-революционный комитет.

С. И. Сырцов был одним из организаторов социалистической революции на Дону, активно участвовал в разгроме контрреволюционных банд Каледина. В ноябре 1918 г. член Донбюро ЦК РКП(б) Сырцов ушел на фронт военкомом XII стрелковой дивизии. В боях с белыми был тяжело ранен. В 1920—1921 гг. работал секретарем Оаесского губкома партии, а с 1921 г. отозван на работу в аппарат ЦК РКП(б). С. И. Сырцов принимал активное участие в подавлении Кронштадтского мятежа. В 1921 г. был награжден орденом Красного Знамени.

В 1921—1926 гг. он работает в ЦК партии, с 1924 г. — заведующий Агитпропотделом ЦК. Был членом президиума Коммунистической академии, редактором журнала Агитпропотдела ЦК ВКП(б) «Коммунистическая революция».

В феврале 1926 г. С. И. Сырцов избирается секретарем Сибирского крайкома партии, а в мае 1929 г. становится председателем Совнаркома РСФСР. Он автор ряда статей об экономической политике в период социалистической реконструкции.

Первое выступление Сырцова против Сталина относится к 1929 г., когда на заседании Совнаркома РСФСР Сергей Иванович подверг резкой критике перегибы в индустриализации и выступил против неоправданно высоких темпов коллективизации. 20 февраля 1930 г. в докладе на заседании партийной ячейки Института красной профессуры Сырцов в резкой форме осудил практику массовой ссылки раскулаченных, выступил против незаконного

Вестник Восточного фронта, 40/5

Тернополь 1990

обогащения активностей коллективизации за счет имущества раскулаченных. Этот доклад Сырцова был опубликован в журнале «Большевик».

Летом 1930 г. уже на XVI съезде партии С. И. Сырцов вновь остро поставил вопрос об экономической политике партии. Он подверг сомнению целесообразность вложения средств в строительство, которое не могло быть завершено в ближайшее время, обратил внимание на слабую работу плановых органов, что приводило к несбалансированности экономики. Особой критике он подверг очковитариальство местных партийных и советских органов, которые, по его мнению, воцарилось сверху. Смелые, бескомпромиссное выступление Сырцова было своего рода визитной карточкой той политики, которую пытался проводить председатель Совнаркома РСФСР. Все это вызвало неудовольствие Сталина. К этому времени Сырцов уже столкнулся с методами сталинского руководства: многие серьезные вопросы решались коллективно, внутри Политбюро существовали «трийки», «квартеты», опирались на поддержку которых Сталин единолично принимал решения.

Неудовольство сталинской экономической политикой проявлял и рабочий класс. Так, в сентябре 1930 г. рабочие города Подольска в резолюции, принятой на собрании, решительно требовали устранить Сталина от руководства партией и государством (см.: Огнек. 1989. № 23). Поэтому Сырцов решил поставить вопрос о перемещении Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б), опираясь при этом на мнение и поддержку членов ЦК и ЦКК, а также ряда местных партийных организаций. От их имени он рассчитывал поднять вопрос о восстановлении ленинских норм внутрипартийной жизни на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г.

Для практического осуществления задуманного Сырцов создал координационный центр, в состав которого входили ответственные работники партийных и советских органов (И. О. Нусинов, В. А. Каврайский, А. И. Гальперин, А. Курт и др.). Они получили поддержку ряда бывших комсомольских работников — В. В. Ломинадзе, Л. А. Шапкина, В. Д. Рескина и других, которые к этому времени выходились из ответственной партийной работы (так, Л. А. Шапкин был членом ЦКК ВКП(б), В. В. Ломинадзе — секретарем Закавказского краевого комитета партии). В некоторых своих выступлениях в центральной печати они уже обращали внимание коммунистов на тот режим, который начинал складываться в партии и государстве. Особенно их тревожило то, что ведущее место в партии начинал занимать партийный обыватель, личность, которой «привит микроб идейной трусости». В «Обращении Закавказья ВКП(б)» в августе 1930 г. Ломинадзе выступил против авантюрических темпов хозяйственной политики, предлагаемых Сталиным.

Осенью 1930 г., находясь в Москве, Ломинадзе обсуждал эти вопросы с Сырцовым. Коммунисты пришли к выводу о необходимости выступить против Сталина на очередном пленуме ЦК партии. Однако их планы провалились. В группе Ломинадзе оказался провокатор, который выдал их планы Сталину. Меры были приняты немедленно. Сталин позвонил на квартиру Нусинова, где находился в это время «фракционер», и пригласил Сырцова на внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). «Какие вопросы вы решили на квартире у Нусинова, товарищ Сырцов?» — задавал вопрос Сталин. «Проблемы продуктивности крупного богатого скота», — ответил председатель Совнаркома РСФСР. Тогда Сталин пригласил человека, предавшего их, и предложил ему повторить свои показания. После этого Сырцову было предложено дать объяснения. И он тут же, на заседании Политбюро, выступил против Сталина. Его речь опиралась на большой фактический материал и носила вполне конкретный характер. Он говорил, что Политбюро превратилось в совещательный орган при Генсеке, что все успехи социалистического строительства относительны, что искусственное подстегивание его темпов привело к экономическому хаосу, и теперь страна стоит на грани экономического кризиса, что продолжает процветать очковитариальство руководителей. Ответственность за сложившееся положение несет персонально Сталин.

Реакция членов Политбюро была различной: Сталин оставался невозмутимым, Орджоникидзе пытался остановить Сырцова, Каганович тут же потребовал репрессировать его. Однако было принято постановление Политбюро о передаче дела «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе, Шапкина и др.» в ЦКК. На последующем разбирательстве все они держались с достоинством. С. И. Сырцов, например, заявил, что Сталин не желает прислушиваться к голосу своих коллег и ведет страну к гибели (см.: Коллекция ЦГАОР). Однако к этому времени ЦКК полностью превратился в орудие личной власти Сталина. Проводя партийные расследования, работники ЦКК действовали методами административных органов. Поэтому все, что говорили партийцы, оборачивалось против них.

В избире все рядовые участники группы Сырцова были исключены из партии. Решением президиума ЦКК 1 декабря 1930 г. было принято совместное постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе, Шапкина и др.», в котором их деятельность квалифицировалась как антипартийная и привела к антиколлективизации в партии право-левого блока на основе общей политической платформы, совпадающей в основном с платформой правых оппортунистов. Особым пунктом было обвинение в том, что они допускали в своей фракционной работе расконспиривание секретных решений партии. Кроме того, отмечалось, что «Сырцов, Ломинадзе и Шапкин проводили в своих отношениях к партийному руководству тактику двурушничества и обмана партии, а при допросе в ЦКК давали заведомо ложные показания». Постановлением ЦК и ЦКК обвинило Сырцова, Ломинадзе и Шапкина в нарушении постановления X съезда РКП(б) «О единстве партии», апрельского (1929 г.) Пленума ЦК «О мерах, могущих гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК», XV съезда — «Об ответственности членов партии, отказывающихся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий». Истинные причины возникновения так называемой фракционной группировки не назывались. Позднее, в 1934 г., выступая на XVII съезде ВКП(б), Ломинадзе признается, что «блок выступил против вождя партии товарища Сталина. В этом в первую очередь заключается величайший грех нашей оппозиции» (XVII съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М., 1934. С. 118—119).

Совместным решением ЦК и ЦКК Сырцов и Ломинадзе были исключены из состава ЦК ВКП(б), а Шапкин — из состава ЦКК ВКП(б). Этот факт был грубейшим нарушением Устава ВКП(б), по которому исключать из состава руководящих органов был правомочен только соответствующий пленум партийного комитета большинством не менее двух третей голосов. Такого решения пленум не принимал.

Дальнейшая судьба оппозиционеров сложилась трагически. Сырцов был репрессирован в годы «большого террора». В 1935 г. он неосторожно брясает фразу: «Сталин на восток Кырва мостит дорогу к власти». Его обвинят в контрреволюционной пропаганде. Однако в 1937 г. начнется «доследование» по его делу, которое будет проводить следователи-палач Володимирский, пытавшийся всеми средствами выбить из Сырцова показания «о террористическом заговоре против Сталина». Сырцов не подписал ни одного из предъявленных ему обвинений и ушел из жизни несомленным. По свидетельству А. М. Лариной, обвинение было предъявлено и его жене, которая позднее также была репрессирована.

В. В. Ломинадзе направил сначала партгором на машиностроительный завод, затем секретарем Магнитогорского райкома партии. Он застрелится в 1935 г. Уже мертвого его обвинят в терроре.

Особое место в истории сопротивления сталинизму занимает 1932 год. Неудовольство сталинской политикой особенно обострилось осенью этого года. В октябре на основе 408 писем, поступивших во ВЦИК СССР, была подготовлена специальная информационная сводка для узкого круга лиц из партийного и советского руководства. «Вы не знаете подлинного настроения трудящихся масс», — говорилось в одном из таких писем. — «Вы взяли курс не на рабочую массу, а на технический персонал и руководящую бюрократическую массу, которая безоговорочно выполняет все, что предписывалось сверху. Даже когда знает, что обречено на гибель и ущерб основной массе (пример: голод на Украине и Северном Кавказе). Все это делается во имя генеральной линии и в угоду Сталину. Боюсь показать верхам подлинное положение масс, потому только, чтобы не потерять портфели и звания секретаря соответствующего партийного органа или председателя исполкома. Для нас исча стивка лучше силы из руководящих аппаратов, твердых большевиков-ленинцев, которые могли твердо отстаивать свои взгляды и прислушиваться к нуждам рабочего класса» (Коллекция ЦГАОР).

Эти настроения, характерные для трудящихся масс рабочих и крестьян, бескомпромиссно Сталина. Поэтому не случайно во всех судебных процессах над врагами народа 1932 год будет фигурировать как «перiod фактического объединения всех контрреволюционных сил из оппозиционных группировок от троцкистской до бухаринской».

Ядро сопротивления сталинизму в это время составляли представители старой партийной гвардии — бывшие авторитетные руководители московской партийной организации, профессора Коммунистической академии, Института красной профессуры, входившие в так называемую школу Бухарина. Центральным фигурой, а фактически одним из главных организаторов и идейным вдохновителем этой группы был М. Н. Рутин.

М. Н. Рутин родился в 1890 г. в семье крестьянина в деревне Верхне-Рутин

Иркутской губернии. После окончания учительской семинарии работал сельским учителем, принимал активное участие в революционной пропаганде. В 1914 г. вступил в партию большевиков. В годы первой мировой войны был призван в армию и проходил службу в Харбине, охраняя КВЖД.

После февральской революции Рютин был избран в состав Харбинского Совета, в котором сразу же повел борьбу против соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Осенью 1917 г. он возглавил Харбинский Совет. В годы гражданской войны он был одним из партизанских командиров Прибайкалья, а также выполнял ряд ответственных поручений Сиббюро ЦК РКП(б).

После освобождения Иркутска от белоохранителей и интервентов Рютин избирается председателем Иркутского губкома партии. Он был делегатом X съезда партии, принимал участие в штурме Кронштадта. В 1922—1924 гг. находился на партийной работе в Сибири, был ответственным секретарем Дагестанского обкома партии. В 1924 г. он отказался в аппарат ЦК РКП(б). В 1925 г. Рютин стал секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы, членом бюро Московского комитета партии.

М. Н. Рютин активно боролся против троцкистско-зиновьевского блока. На XV съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Он был наиболее авторитетной фигурой среди партийных вожаков Москвы. В 1928 г. именно среди них Сталин попытался создать ошор в борьбе против группы Бухарина. Однако в сентябре—октябре Рютин отказался от предложения Генсека. В результате началась «проработка», которая завершилась освобождением Рютина от обязанностей секретаря Краснопресненского райкома партии «за примиренческое отношение к правому уклону и за умаление авторитета руководящих товарищей» (т. е. Сталина.— Б. С.). Несколько позже Рютин был назначен заместителем редактора газеты «Красная Звезда», а затем, весной 1930 г.,— председателем управленческого фотопромшленности ВСНХ СССР. Он избрался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), членом Президиума ВСНХ. В 1929 г. был направлен в Восточную Сибирь, уполномоченным ЦК ВКП(б) по осуществлению коллективизации. После возвращения написал в Политбюро ЦК подробную записку о перегибах в колхозном движении. Это вызвало резко отрицательную реакцию Сталина, хотя через некоторые время основные положения записки были использованы в статье «Головокружение от успехов».

Летом 1930 г. Рютин участвовал в работе XVI съезда партии. На его сподвижнику, к нему обратился Каганович с предложением выступить по политическим вопросам, мотивируя это тем, что есть мнение избрать Рютина в состав ЦК. В начале сентября 1930 г. в ЦК ВКП(б) поступило заявление А. С. Немова о том, что Рютин на отдыхе в Ессентуках вел разговоры, в которых резко отрицательно отзывался о политике, проводимой Сталиным и его окружением. Началось партийное расследование, которое завершилось освобождением Рютина из партии 23 сентября 1930 г. «за предательско-двурушечное поведение, за попытку подпольной пропаганды правопопулистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии». Через некоторое время Рютин был арестован органами ГПУ по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде, но в январе 1931 г. освобожден за недоказанностью этого обвинения.

Весной 1932 г. Рютин подготовил теоретическую работу программного характера под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». А затем на ее основе — по рекомендации старых членов партии В. Н. Каюрова и М. С. Иванова — манифест-обращение «Ко всем членам партии». В этих документах шла речь о том, что Сталин и его окружение порвали с ленинизмом и привели партию и страну к смертельно опасному кризису.

В документах, подготовленных Рютиним, содержалось немало резких высказываний против Сталина, всесторонне обосновывал тезис, что без его устранения невозможно оздоровление партии и страны. В этих материалах ставились очень острые вопросы об изменении взаимоотношений государственных и партийных органов, об экономической политике, о демократизации всех сторон жизни советского общества. Однако они не содержали даже намека на организацию террора, захват власти, а уж тем более — на реставрацию власти капиталистов и кулаков, в чем впоследствии обвинили Рютина. Эти документы стали программой действий «Союза марксистов-ленинцев» — организации, которую попытались создать М. Н. Рютин, В. Н. Каюров, М. С. Иванов, П. А. Галкин. Состоялось два заседания этого союза. А в сентябре почти все его члены были арестованы.

Вопрос о контрреволюционной группе Рютина дважды рассматривался на заседании Президиума ЦКК и специально на объединенном Пленуме ЦК и Президиума ЦКК

в октябре 1932 г. 24 активных участника этой группы были исключены из партии. 10 октября внесудебный орган — коллегия ОГПУ — вынесла приговор в отношении всех членов «Союза марксистов-ленинцев». Политические противники Сталина отныне приравнивались к контрреволюционерам и подлежали уничтожению. Рютин был приговорен к десяти годам заключения в Верхнеуральском политизоляторе.

Уже после вынесения приговора 15 октября 1932 г. к делу была приобщена рютинская платформа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Выяснилось ее происхождение по указанию начальника секретно-политического отдела ОГПУ Молчанова, который под руководством Ягоды занимался борьбой с оппозицией (по личному указанию Сталина). По Москве в то время ходили вполне обоснованные слухи, что рютинская платформа во многом является сочинением «романистов» из ОГПУ.

Рютин содержался сначала в Верхнеуральском политизоляторе, а в мае 1933 г. был переведен в Суздальский политизолятор. О Рютине вспоминал сразу, как только началась «большой террор». В октябре 1936 г. он был доставлен из Суздаля в Москву, где ему предъявили обвинения в терроризме. Все обвинения были основаны на тех же самых документах, за создание которых Рютин отбывал срок. 5 ноября 1936 г. Рютин обратился в Президиум ВЦИК СССР с заявлением, в котором писал, «что никогда террористом не был, не являюсь и не буду». Допросы Рютина вел все тот же начальник СПО ОГПУ Молчанов. Из сохранившихся документов можно сделать вывод, что Рютин пытался продолжить борьбу и во внутренней тюрьме НКВД. Он был расстрелян 10 января 1937 г.

Однако это были не последние выступления против сталинизма. Против режима личной власти Сталина выступила и группа авторитетных партийных и советских работников, в которую входили А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт, В. Н. Тольмачев и др. Все они занимали руководящие посты в советском аппарате. Н. Б. Эйсмонт был наркомом снабжения РСФСР, А. П. Смирнов — заместителем Председателя Совнаркома РСФСР, В. Н. Тольмачев — начальником Главдортранса РСФСР. Центральной фигурой среди них был старый член партии А. П. Смирнов. Группа открыто выражала недовольство той экономической и социальной политикой, которую проводил Сталин.

Выступить против Сталина группа рассчитывала на пленуме ЦК. Однако Н. Б. Эйсмонт в кругу своих знакомых весьма неосторожно произнес фразу о необходимости убрать Сталина. В ночь с 24 на 25 ноября члены группы были арестованы органами ОГПУ. Им было предъявлено обвинение в подготовке террористического акта против Сталина. Н. Б. Эйсмонт с недоумением отвергал эти нелицеподобные обвинения. Уже 20 декабря 1932 г. на заседании фракции ВКП(б) ВЦИК специально рассматривался вопрос об исключении из состава ВЦИК Эйсмонта и Тольмачева. К этому времени решением ЦКК и Политбюро ЦК ВКП(б) они уже были исключены из партии. В партийных и советских документах их деятельность была квалифицирована как контрреволюционная. 12 января 1933 г. вопрос «Об антипартийной группе Эйсмонта, Смирнова и Тольмачева» был специально рассмотрен в ходе Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Официально членов группы обвинили в антипартийной деятельности, создании антипартийной группы, «как разложившихся и переродившихся антисоветских людей, пытавшихся организовать борьбу против партии и партийного руководства».

23 января 1933 г. на заседании фракции ВКП(б) 3-й сессии ЦКК СССР VI созыва был выведен из состава Президиума ЦКК СССР А. П. Смирнов. В выступлении секретаря ЦКК А. С. Енукидзе его деятельность была квалифицирована как деятельность фактического главы этой группировки (см.: Коллекция ЦГАОР).

3 января 1934 г. из состава ЦКК СССР были выведены свитые к тому времени со своих постов Председатель ЦКК Таджикистана Максум и Председатель Совнаркома Таджикистана Ходжибаев, ранее же был исключен из партии и снят со своего поста Председатель Совнаркома Киргизии Абдурахманов. Мотивировка столь жестокой расправы была везде одна: «проявили недоверие в правильности политики партии», «завращали линию партии, сеяли недоверие в среде руководящего состава и возможность высоких темпов хлеба- и мясозаготовок, проявляли по существу неверие и победу колхозной страны (см.: Коллекция ЦГАОР)». Позднее все они стали первыми жертвами репрессий.

Последний организованный бой сталинизму старая партийная гвардия попыталась дать на XVII съезде партии. В ходе его работы группа делегатов обратилась к С. М. Ки-

рову (переговоры с ним вел И. М. Варейкис) с жалобой на грубость Сталина и с предложением ликвидировать пост Генерального секретари ВКП(б). Предлагалось переместить Сталина на пост председателя Совпаркома, а Кирова сделать секретарем ЦК ВКП(б) по организационной работе.

Киров обо всем проинформировал Сталина. Этим, по востановлению Микояна, он «вызвал лишь с его стороны пренебрежение и мнительность ко всему съезду и, конечно, к самому Кирову». Атмосфера, в которой проходил съезд, уже отличалась от привычного делового обсуждения. Много говорилось об успехах и практических выгодах — о недостатках и нерешенных проблемах. «Съезд победителей» проходил по хорошо отработанному сценарию, важной составной частью которого были покаянные выступления бывших оппонентов Камнева, Зиновьева, Бухарина, Ломоносова и др. В подготовке съезда активное участие принимали органы ОГПУ, в обязанности которых, помимо прочего, входило следить за бывшими оппонентами и обеспечивать выборы центральных органов партии. Голосование впервые проводилось по делегациям в тринадцати отдельных подкомиссиях.

Однако несмотря на это при подсчете голосов выяснилось, что Сталин выучил самое большое число голосов «против». Председатель счетной комиссии В. П. Затонский а растерянности обратился к Кагановичу, который отвечал за работу счетной комиссии в президиуме съезда. Тот сам оказался в немалой растерянности и побежал советоваться с «хищником».

Сталин категорически потребовал, чтобы против него осталось только три голоса. Часть бюллетеней, по свидетельству Микояна, была изъята из материалов съезда Кагановичем. Всего, по последним сведениям комиссии Политбюро ЦК КПСС, в документах съезда отсутствует 166 бюллетеней.

Даже теперь, после разгрома всех оппозиционных групп и группировок, после расправы со всеми, кто пытался противостоять Сталину, в руководящем эшелоне не только сохранилось, но и могло вырваться наружу недовольство. Если реально оппозиции была полностью ликвидирована, то оставалась оппозиция потенциальная. XVII съезд ВКП(б) закрепил победу сталинизма как определенного политического режима личной власти Сталина в партии и государстве. Укреплению этого режима в значительной степени способствовала новая структура партийных и советских органов. Так, были созданы отраслевые отделы в партийных комитетах. Летом 1934 г. было ликвидировано ОГПУ, а его функции по охране государственной безопасности переданы Главному управлению государственной безопасности НКВД СССР. Фактически это закрепило личный контроль Сталина над административно-карательными органами. Пост Генерального секретари ЦК ВКП(б) был ликвидирован на съезде. Сталин уже не нуждался в чисто формальном признании своей главенствующей роли в партийном и государственном аппарате.

Отныне любое несогласие с мнением вождя рассматривалось как государственное преступление, любая альтернативная точка зрения тут же объявлялась антипартийной, контрреволюционной и антисоветской. К сожалению, это положение поддерживалось и разделялось абсолютным большинством членов ЦК ВКП(б) и Советского правительства. Продолжая в этот период последние генеральные чистки партии, позволила Сталину еще больше укрепить свои позиции, а затем, после убийства Кирова, перейти к физическому уничтожению представителей старой партийной гвардии.

Однако и в таких условиях в партии были силы, которые в меру своих возможностей пытались противостоять этим извращениям. За нежелание бороться с «врагами народа» в 1937 г. был отстранен от работы, а позднее репрессирован ряд ответственных работников НКВД. Среди них — уполномоченный НКВД по Дальнему Востоку Т. Д. Дерибас, начальник УНКВД Вишневской области Волков и Джамбулской области — Канустин; 74 военных прокурора отказались давать сыновки на недавние аресты и сами были подвергнуты репрессиям. Против предоставления чрезвычайных полномочий органам государственной безопасности были направлены выступления И. А. Питинского и Г. М. Каминского на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Каждый из них пользовался высоким авторитетом в партии и государстве, в междупартийном коммунистическом и рабочем движении. Каминский и Питинский были обречены, но их голоса, пророчавшие в страшные времена ежовщины, стали серьезным предупреждением для всей партии.

По сути, это были «арьергардные бои» старой партийной гвардии, которая пыталась уже больше словом, а не делом остановить террор. Но в тех условиях любые

выступления внутри страны было обречено на неминуемое поражение. Чтобы скоординировать этих людей, подруги Ежова активно пускали в ход дела о различного рода заговорах, покушениях, подрывной контрреволюционной деятельности, не останавливаясь и перед привычными подлогами и фальсификацией документов. И тогда с аннексией к мировой общественности, к международному рабочему движению обратились члены большевистской партии, выполнявшие ответственные поручения за рубежом.

Одним из первых в своем разрыве со сталинизмом заявил И. Рейсс, профессиональный советский разведчик. В сентябре 1937 г. он направил в адрес ЦК ВКП(б) заявление о своем разрыве со сталинизмом режимом и призвал вернуться назад к Ленину. Это было расценено как измена, и в середине сентября 1937 г. Рейсс был убит в Швейцарии. В декабре 1937 г. о своем разрыве со сталинизмом заявил А. Г. Бармин и В. Г. Кривичский. Первый в то время исполнял обязанности советского посла в Афинах, а второй был руководителем советской военной разведки в Западной Европе.

Бармин направил большое письмо в Комитет по расследованию московских процессов (международная организация, созданная для расследования нарушений прав человека в Советской России). В письме он заявил о разрыве со сталинизмом и окружении. Кривичский обратился в международную рабочую печать с замечанием, в котором раскрывалась механика закулисных переговоров Сталина и Гитлера. Кривичский указывал на серьезную опасность процессов, происходивших в Советской России, для международного рабочего движения.

Наибольший же резонанс в это время имело выступление профессионального революционера, советского посла в Болгарии Ф. Ф. Раскольниково. Отказавшись вернуться в СССР, Федор Федорович перешел на положение «невозвращенца» и выступил с замечательным по своей обличительной силе открытым письмом Сталину и со статьей «Как меня сделали врагом народа». Раскольников обвинил Сталина в уголовных и политических преступлениях. Он писал, что сталинское руководство полностью оторвало средства для укрепления авторитарного режима диктатуры Сталина.

Сталинское руководство сделало все, чтобы опозорить этих людей, прервать их в предателе и изменников социализма. До начала 60-х годов имя Ф. Ф. Раскольниково было под запретом. Сравнительно недавно мы узнали о Кривичском, Бармине, Рейссе. «Заговор молчания» на долгое время обрек на забвение имена старых большевиков — лучших представителей ленинской гвардии, которые являлись носителями подлинно демократических начал в жизни партии и государстве.

Почему же старая партийная гвардия проиграла бой со сталинизмом? Очевидно, этому способствовал ряд причин.

Во-первых, после свертывания ина и политической дискредитации Бухарина в высшем партийном руководстве не было альтернативной программы экономического и социального развития государства, иных путей социалистического строительства, кроме генеральной линии, предложенной Сталиным. Не было и альтернативной фигуры Сталину в плане личного авторитета. Все выступления против Сталина, как правило, касались перемещения его с поста Генсека. В то же время в тогдашнем составе Политбюро ЦК вряд ли кто мог быть равным ему по организаторским способностям, целеустремленности, волевым качествам.

Во-вторых, все выступающие против режима личной власти Сталина так или иначе внесли свою лепту в формирование и укрепление этого режима. Все они являлись активными проводниками сталинской политики индустриализации и коллективизации, основанной на «чрезвычайных мерах». Активно борясь против всякого проявления инакомыслия в партии и государстве, они сами в значительной степени способствовали не только формированию авторитарно-бюрократической системы руководства народным хозяйством, но и в еще большей степени — деформации в политическом руководстве. Это выражалось прежде всего в нетерпимости к инакомыслию, исключению из внутривнутрипартийной жизни дискуссий, принижении роли теории в выработке практической политики партии. Большинство выступавших против сталинизма, по существу, выступало лично против Сталина, но не против созданных им системы.

В-третьих, практически все выступления носили характер «дворцовых переворотов». Они были ограничены рамками Политбюро ЦК ВКП(б) или пленума ЦК партии. Исключение и поэтому наибольшую опасность для Сталина представляла группа Рытина,

обратившись с апелляцией ко всем членам партии. Опоры среди широких партийных масс и рабочего класса выступавшие не имели, да и, по всей вероятности, вряд ли могли иметь, поскольку быстрый количественный рост рабочего класса и партийных рядов отрицательно сказывался на его качествах политического авангарда. Уровень общей политической культуры в 30-е годы был в известной степени ниже, чем в 20-е. Таким образом, выступая от имени лучших представителей ленинской партии, отстаивая ее честь в борьбе против чуждого ей авторитарного режима личной власти, старая партийная гвардия оказалась лишенной поддержки широких слоев партии, всего народа. Это был своеобразный синдром декабризма, а точнее — хроническая болезнь российского освободительного движения: «За народ и для народа — но без поддержки народа». Такая изоляция от поддержки народа в известной степени была обусловлена разрывом в уровне политической культуры широких масс трудящихся Советской России и старой партийной гвардии.

В-четвертых, слишком неравные силы вступили в противоборство. С одной стороны были честность, партийная принципиальность, вера в ленинские идеалы социализма, с другой — бескомпромиссность, политическое интриганство, грубость, нежелательность, беззастенчивое попирание всех принципов внутрипартийной и государственной демократии. Сталин, как уже говорилось, умело поставил себе на службу и лучшие традиции большевистской партии, и худшие предрассудки, унаследованные ею еще из периода подполья. Пожалуй, едва ли не самым главным из последних было доведенное до абсурда понимание единства партийных рядов. На стороне Сталина оказались вся мощь и сила партийного и государственно-административного аппарата. Аппарат уже прочно стоял над выборами органами. Искусственное смещение функций партии и государства позволяло Сталину манипулировать такими инстинктами, как антипартийная и антисоветская деятельность.

В-пятых, на стороне Сталина стоял гигантский пропагандистский аппарат, все средства массовой информации и пропаганды. Он искусно манипулировал оружием, которое в значительной степени формировало общественное мнение. Это также лишило старую партийную гвардию поддержки широких масс трудящихся. Все выступления против сталинизма, как правило, объявлялись выступлениями чуждых социальных элементов (перидийская печать объявила Рютину сыном кулака, Нусинова — сыном торговца, Каврайского — сыном помещика). Участники оппозиции в конечном счете оказались «шпионами и диверсантами», «врагами народа». Если же дело касалось высокоавторитетных членов партии, то их, как правило, объявляли перерожденцами.

Процесс перестройки и демократизации советского общества позволял восстановить историческую истину и справедливость. Реабилитация тех, кто пытался отстоять ленинизм в неравной борьбе против режима личной власти Сталина в партии и государстве, дала возможность вернуть их честные имена нашему народу.

ПРОДОЛЖАЯ
ТЕМУ

В повестке дня остается...

Доцент В. МАСАЛЬСКИЙ
Донецкий университет

Два года назад при активной поддержке ректора и парткома нашего университета была начата и целенаправленно ведется перестройка работы ФОПа. Прежде всего мы провели среди студентов и слушателей социологический опрос и с учетом полученных результатов усовершенствовали организационную структуру факультета: были реформированы все не пользовавшиеся

популярностью и формально существовавшие отделения и специальности, а вместо них созданы новые — например, организаторов социологических исследований, пропагандистов правовых знаний, лекторов курса этики и психологии семейной жизни, организаторов кружков и курсов по программированию и компьютерной технике и др. Удалось улучшить деятельность отделений

журналистики, референтов-переводчиков, организаторов экскурсий, культурно- и спортивно-массовой работы. Сейчас на факультете работают 10 отделений и ведется обучение студентов по 16 специальностям.

Мы полностью отказались от принудительного зачисления слушателей и уже два года осуществляем набор на основе добровольного желания студентов, что автоматически сняло многие проблемы в организации занятий и повысило учебную дисциплину слушателей.

Совместным постановлением ректора и парткома была введена оплачиваемая должность декана факультета общественных профессий, решен вопрос о выделении двух ставок учебно-аспирантского персонала — диспетчера-методиста и лаборанта. Пересмотрен и качественно улучшен состав преподавательских кадров, налажен деловой контакт со студенческим активом.

Принципиально новым направлением деятельности нашего ФОПа стало заключение договоров о сотрудничестве с Донецким производственным объединением «Точмаш», «Донбассэнерго» и БММТ «Спутник» Крымского обкома ЛКСМУ, по просьбе которых факультет ведет подготовку необходимых им специалистов. Кроме того, на базе наших партнеров мы организуем теперь практику для своих слушателей и выпускников.

Предпринятые усилия оказались не напрасными. Роль и авторитет факультета общественных профессий в общей структуре учебно-воспитательных подразделений университета неизмеримо выросли. Свыше 750 студентов приобретают ныне вторую и даже третью общественную профессию. Многие слушатели активно используют полученные на ФОПе знания в повседневной практике; немало выпускников, завершив учебу, отдали предпочтение общественной профессии, т. е. она стала для них основной. Например, только по отделению журналистики свыше 60 человек избрали в качестве основной свою вторую профессию; став сотрудниками редакций, корреспондентами. Аналогичная картина на отделениях организаторов социологических исследований, спортивно-массовой работы, переводчиков-референтов и др.

Наши скромные успехи могли быть более значительными, если бы удалось преодолеть многие искусственно созданные трудности и проблемы, которые стоят сегодня, пожалуй, перед большинством вузов страны. В последние годы, однако, необходимые меры ни бывший Минвуз СССР, ни

ЦК ВЛКСМ не принимали. А пора бы уже Гособразованию СССР повернуться лицом и нашим проблемам.

Требующийся организационно-экономический механизм деятельности ФОПа есть тот общий знаменатель, без определения которого не могут быть решены и многие частные проблемы, то и дело возникающие даже при настоятельных попытках на местах превратить факультеты общественных профессий в один из ведущих и массовых центров по рациональной организации свободного времени студенчества и одновременной подготовке кадров высокой квалификации по двум-трем смежным специальностям. Выдвигая задачу реальной подготовки профессионалов, мы исходим из того, что уровень учебного процесса на ФОПе должен быть не ниже, чем по основной специальности. В организационном плане эта задача нашему вузу вполне по плечу. Думается, что она решается и в других крупных вузах.

Ключевой вопрос заключается в том, чтобы определить юридический статус ФОПа, распространяема на них действие нормативных и законодательных положений о высшей школе по основным и смежным профилирующим специальностям. Другими словами, необходимо превратить ФОП в полноценное учебно-воспитательное учебное подразделение со своим штатом. В связи с этим следует решить ряд частных вопросов: во-первых, переименовать факультеты общественных профессий в факультеты смежных профессий. Это надо сделать потому, что нынешнее название в силу сложившихся в застойный период стереотипов понимается так, будто работа ФОПа — это нечто второстепенное и должно вестись на общественных началах, что в корне неверно. Во-вторых, вполне назрел вопрос о юридическом и экономическом статусе диплома (удостоверения) об окончании ФОПа. Существующий ныне общественный диплом, по моему мнению, следует отменить (что, кстати, позволит законодательно немалые средства), а запись о приобретении выпускником вуза смежной специальности вносить в выдаваемый по окончании высшего учебного заведения основной диплом — в установленный Гособразованию СССР вкладыш к нему. Между прочим, это снимает с повестки дня и вопрос о юридическом и экономическом статусе смежной профессии. В-третьих, нужно зафиксировать в Положении о высшем учебном заведении СССР (в специальном пункте) юридический статус факультета смеж-